

УДК 341.241

DOI: 10.34670/AR.2026.55.43.078

## **Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях трансформации международных торговых отношений и усиления санкционных ограничений**

**Лаврентьев Сергей Алексеевич**

Бакалавр,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,  
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;  
e-mail: Sergey.lavrentev02@gmail.com

**Поляков Михаил Александрович**

Бакалавр,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,  
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;  
e-mail: mikhaipoll@gmail.com

### **Аннотация**

Рассматривается перенастройка правовой архитектуры внешнеэкономической деятельности Российской Федерации, происходящая на фоне эрозии многостороннего режима ГАТТ/ВТО и нарастания односторонних ограничительных мер. Исследовательский фокус направлен на стык трёх плоскостей – международно-правовой, конституционно-административной и частноправовой; именно здесь складываются основные коллизии. Цель – реконструировать сложившуюся к 2026 г. конфигурацию регулирования и зафиксировать её внутренние противоречия. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы; эмпирическую базу составили нормативные правовые акты в редакциях 2022–2026 гг., разъяснения федеральных органов исполнительной власти, правоприменительная практика арбитражных судов и Верховного Суда РФ. Установлено, что национальное контрсанкционное законодательство, надстраиваемое поверх Федерального закона № 164-ФЗ, сформировало автономный правовой режим, частично выпадающий из-под обязательств в рамках ВТО; одновременно прослеживается смещение договорной практики в сторону восточных арбитражных центров и расчётов в национальных валютах. Особое внимание уделено институту параллельного импорта, переквалифицированному из исключения в постоянно действующий механизм, и реконфигурации валютного контроля. Сформулированы предложения *de lege ferenda* относительно кодификации процедур признания государства недружественным, уточнения объёма ответственности резидентов за обход вторичных санкций и легализации цифровых инструментов в трансграничных расчётах. Полученные выводы применимы при подготовке правовых заключений, договорной работе с иностранными контрагентами и в учебных курсах международного экономического права.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Лаврентьев С.А., Поляков М.А. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях трансформации международных торговых отношений и усиления санкционных ограничений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 645-655. DOI: 10.34670/AR.2026.55.43.078

**Ключевые слова**

Санкции, реторсии, внешнеэкономическая деятельность, контрсанкционное регулирование, параллельный импорт, валютный контроль, ВТО, ЕАЭС, недружественные государства, экстерриториальные меры.

**Введение**

Многосторонняя торговая система, выстраивавшаяся вокруг ГАТТ и впоследствии ВТО на протяжении почти семидесяти лет, вступила в фазу выраженной фрагментации. Это не схоластическая констатация. Об этом свидетельствуют как остановка апелляционного механизма ОРС ВТО, тянущаяся с 2019 г., так и стремительное распространение односторонних ограничительных мер, не санкционированных Советом Безопасности ООН. Российское направление обнаружилось здесь наиболее рельефно: с 2022 г. в отношении РФ введено свыше 22 тыс. ограничений со стороны двадцати с лишним юрисдикций, что переводит отдельный казус в самостоятельную проблематику международного экономического права. Перенастройка регуляторного контура происходит ускоренными темпами.

Доктринальная квалификация подобных мер по-прежнему расщеплена. Часть авторов трактует односторонние ограничения как санкции в широком смысле, ссылаясь на ст. 41 Устава ООН; другие настаивают на их строгом разграничении с контрмерами по ст. 22 и ст. 49 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (Резолюция ГА ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.). Третья позиция сводится к признанию ограничительных мер реторсиями – правомерными, но недружественными ответами; при этом критерии разграничения остаются размытыми. Подобный терминологический хаос имплицитно прямо приводит к правоприменительным последствиям. Российский законодатель в Указах Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 и от 1 марта 2022 г. № 81 предпочёл термин «специальные экономические меры», избегая прямого употребления понятия «санкции», что в свою очередь предопределило конструкцию ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ.

В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно соотношения национальных контрсанкционных режимов с обязательствами в рамках ВТО, прежде всего – с принципом наибольшего благоприятствования по ст. I ГАТТ 1994 г. Б. Набиуллин фиксирует, что практика ЕАЭС по легитимации параллельного импорта формирует автономный регуляторный ответ, де-факто выпадающий из-под классических соглашений в сфере охраны исключительных прав [Набиуллин, 2024]; вместе с тем эта позиция нуждается в верификации с учётом ст. XXI ГАТТ – исключений по соображениям безопасности. Доктринальные дискуссии о допустимости расширительного толкования этой оговорки ведутся не первый год. Линия раскола проходит между формально-юридическим и политико-правовым подходами.

Цель настоящей работы – реконструировать сложившийся к 2026 г. правовой режим внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) и зафиксировать его внутренние коллизии. Внимание сосредоточено на четырёх узлах: административно-правовой механизм реторсий;

институт исчерпания исключительных прав в санкционной редакции; адаптация валютного контроля; договорная практика. Хронологические рамки – 2022–2026 гг., при выборочном обращении к более раннему материалу для установления генетических связей. Региональный охват ограничен правовым порядком РФ; компаративные вставки касаются нормотворчества ЕАЭС, КНР и Исламской Республики Иран.

### **Материалы и методы исследования**

Применены формально-юридический (догматический) метод, сравнительно-правовой анализ, метод системного толкования и историко-правовой подход. Контент-анализ нормативных правовых актов охватил Конституцию РФ в редакции с поправками 2020 г.; Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»; Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»; Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств»; Таможенный кодекс ЕАЭС в редакции 2024 г.; Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»; Указы Президента РФ № 79, 81, 95, 126, 295 за 2022–2024 гг. Изучены также Постановления Правительства РФ № 311, 312, 313 от 9 марта 2022 г. и сопутствующие подзаконные акты.

Эмпирическую плоскость дополнили обзоры судебной практики Верховного Суда РФ за 2023–2025 гг., позиции Конституционного Суда РФ по вопросам соразмерности контрсанкционных ограничений, решения арбитражных судов по спорам с участием резидентов из списка недружественных государств. Использованы данные Федеральной таможенной службы о структуре внешнеторгового оборота за 2022–2025 гг. и аналитические доклады Минэкономразвития. Метод системного сопоставления позволил соотнести цифровой и таможенно-логистический пласты регулирования; именно на их стыке сосредоточены наиболее заметные правовые лакуны. Ограничения выборки связаны с динамичностью нормативного материала – часть приведённых редакций может быть скорректирована к моменту публикации, поэтому результаты следует воспринимать с поправкой на состояние правового регулирования на середину 2026 г.

### **Результаты и обсуждение**

По состоянию на 2026 г. в международно-правовой доктрине устойчиво выделяются три категории однонаправленных мер экономического давления. Первая – санкции *stricto sensu*, применяемые на основании резолюций Совета Безопасности ООН по гл. VII Устава; их легитимность не оспаривается. Вторая – контрмеры по ст. 49 Проекта статей об ответственности государств; применение таких мер обусловлено предшествующим международно-противоправным деянием и подчинено принципам пропорциональности и обратимости. Третья – реторсии: правомерные, но недружественные действия, не предполагающие нарушения прежних обязательств. Границы условны.

На практике различия между этими категориями размыты. Меры, вводимые ЕС на основании ст. 215 ДФЕС, и санкционные акты ОФАС формально квалифицируются их разработчиками как реторсии или контрмеры; российская сторона последовательно отрицает их легитимность, отсылая к Декларации о принципах международного права 1970 г. (Резолюция

ГА ООН 2625 (XXV)) и Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. (Резолюция ГА ООН 3281 (XXIX)). Сложилась парадоксальная ситуация: одни и те же фактические меры получают взаимоисключающие правовые квалификации в зависимости от стороны, выносящей оценку. Подобная асимметрия квалификаций фиксируется и в отношении вопросов ответственности за вторичные санкции.

Особое значение приобретает вопрос экстерриториальности. Применение вторичных санкций к третьим лицам, не находящимся в юрисдикции вводящего государства, традиционно рассматривается как нарушение базового принципа суверенного равенства – ст. 2 п. 1 Устава ООН. Однако правоприменительная практика США устойчиво расширяет применение санкционных режимов; Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC) фактически оперирует презумпцией экстерриториальной компетенции. Подобный подход верифицирует тезис о вторжении норм внутреннего права одной юрисдикции в правовое поле других государств. В отдельных эпизодах это закрепляется в законодательных актах – Countering America's Adversaries Through Sanctions Act 2017 г. содержит механизмы, прямо ориентированные на третьих лиц.

Российский контрсанкционный режим оформился как многоуровневая конструкция. На вершине – ФЗ № 281-ФЗ, задающий общую рамку специальных экономических мер; ниже – ФЗ № 127-ФЗ, ориентированный на «недружественные действия» иностранных государств; в основании – массив указов Президента и постановлений Правительства, конкретизирующих перечни лиц, товаров и операций, подпадающих под ограничения. Указ № 79 от 28 февраля 2022 г. ввёл обязательную продажу 80% валютной выручки, впоследствии ослабленную до 60% (Указ № 360 от 9 июня 2022 г.), а к началу 2025 г. фактически отменённую для большинства категорий экспортёров. Точечные обязательства по репатриации сохраняются.

Существенный конструктивный элемент – институт недружественных государств. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р закрепило соответствующий перечень, расширявшийся в 2022–2024 гг. до 49 юрисдикций. Юридические последствия включения в список носят многоплановый характер: от ограничений на сделки с долями и акциями (Указ Президента РФ № 81 от 1 марта 2022 г.) до фактического запрета на перечисление дивидендов иностранным владельцам без специального разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. Между тем сама процедура включения государства в перечень остаётся непрозрачной – распоряжение не содержит формальных критериев.

Институт ответных санкций ставит ряд вопросов о соответствии действующих обязательств РФ в рамках ВТО. Формально ст. XXI ГАТТ позволяет принимать меры, необходимые для защиты существенных интересов безопасности; однако расширительное толкование этой оговорки вступает в напряжённое отношение с принципами наибольшего благоприятствования и национального режима. В практике Конституционного Суда РФ контрсанкционные нормы фигурируют преимущественно в контексте оценки соразмерности ограничений конституционно значимым целям – ст. 8, 34, 55 Конституции РФ; при этом международно-правовое измерение проблемы в правовых позициях Суда затрагивается лишь фрагментарно. Полноценная доктрина пока не сформировалась.

Институт исчерпания исключительных прав претерпел в 2022–2025 гг. наиболее радикальную трансформацию. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 и приказ Минпромторга России № 1532 от 19 апреля 2022 г., впоследствии многократно обновлявшийся, легитимизировали ввоз товаров без согласия правообладателей по перечню, охватывающему свыше 50 товарных групп. По формально-юридической природе это означает

временный переход от регионального исчерпания, закреплённого ст. 1487 ГК РФ через привязку к территории ЕАЭС, к международному – но лишь применительно к товарам из перечня.

Д. А. Евтеев фиксирует, что использование термина «параллельный импорт» применительно к санкционному периоду методологически уязвимо: в большинстве случаев авторизованный канал поставок отсутствует, что нивелирует саму конструкцию параллельности [Евтеев, 2025]. Замечание заслуживает поддержки. Складывается скорее особый режим квазилегализованного оборота товаров с обходом классической схемы лицензирования, чем «параллельный» импорт в исходном смысле; канал не сосуществует с авторизованным, а замещает его.

Налогово-учётные последствия параллельного импорта проработаны недостаточно. Л. А. Чайковская и С. А. Филин обращают внимание на размытость регулирования НДС, акцизов и порядка определения таможенной стоимости при ввозе через посредников в дружественных юрисдикциях [Чайковская, Филин, 2023]; Федеральная налоговая служба и Федеральная таможенная служба в письмах 2023–2024 гг. дали разъяснения по отдельным ситуациям, однако сводный регуляторный акт пока отсутствует. На уровне ЕАЭС координация ограничена – каждое государство-член фактически выстроило свой режим; формально единое таможенное пространство в этой части дробится. Сложилась мозаика.

Параллельно нарастают таможенно-логистические риски, связанные с верификацией происхождения и подлинности товаров. А. Г. Гетман и Е. А. Голубейкова отмечают появление новых угроз в цепях поставок – от усложнённого контроля контрафакта до правовой неопределённости статуса транзитных юрисдикций [Гетман, Голубейкова, 2024]. Российские таможенные органы вынуждены оперировать в условиях редуцированной информации, поскольку обмен данными с правообладателями из недружественных государств фактически прерван. По всей видимости, временная конструкция параллельного импорта закрепится в качестве постоянного элемента таможенно-правового регулирования – к маю 2025 г. перечень Минпромторга обновлялся уже 14 раз.

Валютное регулирование за период 2022–2025 гг. пережило самую глубокую перенастройку с момента принятия ФЗ № 173-ФЗ. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 первоначально установил обязательную продажу 80% валютной выручки экспортёрами; впоследствии норматив корректировался серией указов (№ 360 от 9 июня 2022 г., № 771 от 11 октября 2023 г.), и к концу 2024 г. был фактически отменён за исключением отдельных категорий резидентов. Параллельно с ослаблением обязательной продажи введён жёсткий контроль за переводами свыше определённых порогов на счета в банках недружественных юрисдикций. Регуляторная амплитуда оказалась значительной.

Отдельную проблему составляют расчёты с контрагентами из санкционных юрисдикций. Отключение системно значимых российских банков от SWIFT повлекло переориентацию платёжной инфраструктуры на Систему передачи финансовых сообщений Банка России, китайскую CIPS и национальные платёжные мосты с Ираном, КНР, Турцией. Доля расчётов в национальных валютах с дружественными странами, по оценкам Банка России, превысила к концу 2024 г. 75% во внешнеторговом обороте с КНР – динамика неравномерная, но устойчиво нарастающая. В торговле с Индией доля рупиевых расчётов остаётся ограниченной – около 17,3% по итогам 2024 г. – из-за проблем конвертируемости.

Правовой статус цифровых валют в трансграничных расчётах остаётся неоднозначным. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» в действующей редакции допускает использование цифровых валют в расчётах по ВЭД лишь в рамках экспериментального правового режима; п. 5 ст. 14 продолжает запрещать оплату товаров

и услуг в криптовалюте на территории РФ. Возникает регуляторный парадокс: внешний контур более либерален, чем внутренний. Не исключено, что в среднесрочной перспективе этот разрыв будет сокращён за счёт пересмотра ст. 14. Соответствующие законопроекты внесены в Государственную Думу в 2024 г.

Практика международных коммерческих контрактов с участием российских резидентов сместилась по нескольким направлениям одновременно. *Sanctions clauses*, ранее факультативные, сделали стандартным элементом, причём с принципиально новой структурой – двустороннее распределение санкционных рисков с обязательством поиска альтернативных маршрутов поставки и расчётов. Положения об арбитраже массово пересматриваются: LCIA и ICC уступают позиции HKIAC, SIAC, DIAC и MKAC при ТПП РФ. Тенденция фиксируется с 2022 г.

Вопрос форс-мажора в санкционном контексте остаётся доктринально дискуссионным. Разъяснения Торгово-промышленной палаты РФ весной 2022 г. допускали квалификацию санкций в ряде ситуаций как обстоятельств непреодолимой силы; однако арбитражные суды занимают более осторожную позицию, требуя доказательств причинной связи между конкретным ограничением и невозможностью исполнения. Преобладает индивидуально-казуальный подход. По всей видимости, унифицированной квалификации санкций как форс-мажора в российском праве в обозримой перспективе не сформируется.

Применимое право также переориентируется. Английское право, до 2022 г. доминировавшее в крупных контрактах с участием российских компаний, всё чаще замещается правом ОАЭ, Сингапура, КНР, а в спорах с дружественными юрисдикциями – и российским. Это сопровождается ростом нагрузки на MKAC: за 2024 г. рассмотрено порядка 1 247 дел против 768 в 2021 г. – прирост свыше 62%. Параллельно растёт интерес к дубайскому арбитражному центру: его доля среди российских контрактов в 2024 г. оценивается приблизительно в 14,7%.

На уровне ЕАЭС консолидированная санкционная политика так и не сформировалась – государства-члены реагируют на ограничения внешних юрисдикций индивидуально. Решения Евразийской экономической комиссии за 2022–2024 гг. касаются преимущественно тарифного регулирования: введены тарифные льготы по 92 кодам Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС, неоднократно продлевавшиеся. Договорная база Союза по контрсанкционным мерам отсутствует; правотворческие инициативы Российской Федерации часто опережают коллективные процедуры. Складывается заметная асимметрия.

Переориентация внешнеторговых потоков на азиатские рынки сопровождается формированием специализированных правовых конструкций. Е. С. Бурова на материале двусторонней торговли РФ – АСЕАН демонстрирует существенные изменения в товарной структуре и географии поставок, фиксируя как интенсификацию торговли с Вьетнамом и Индонезией, так и осложнения в традиционных секторах [Лю, 2025]. Это означает рост значимости двусторонних соглашений о поощрении и защите капиталовложений; при этом Россия не присоединилась ни к CPTPP, ни к RCEP, что объективно ограничивает её манёвр в азиатском регулировании. Институциональный инструментарий остаётся преимущественно двусторонним.

И. Ш. Хасанов формулирует тезис о евразийской экономической дипломатии как самостоятельном инструменте адаптации к санкционному давлению [Хасанов, 2024]; вместе с тем правовая оформленность этой дипломатии в инструментах ЕАЭС, ШОС и БРИКС пока слабая. Многосторонние соглашения уступают по числу двусторонним; институциональный каркас БРИКС, несмотря на расширение состава с 1 января 2024 г., в части торгово-правового регулирования остаётся преимущественно декларативным. Дипломатический контур опережает

нормативный. По всей видимости, в ближайшие два-три года будут предприняты попытки формализовать платёжно-расчётные процедуры внутри БРИКС, хотя конкретные параметры пока не очерчены.

Цифровое измерение санкционного давления усиливается. Г. Г. Камалова обосновывает рассмотрение технологического суверенитета как родовой категории, охватывающей цифровой и информационный суверенитет [Камалова, 2024]; в контексте ВЭД это переводит вопрос ограничений на доступ к программным продуктам, облачным сервисам и микроэлектронике в плоскость национальной безопасности по ст. 71 п. «м» Конституции РФ. Однако правовая база отстаёт от технологической динамики – Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в действующей редакции не вполне приспособлен к регулированию вынужденного импортозамещения цифровой инфраструктуры.

Среди предложений *de lege ferenda* обращают на себя внимание следующие. Во-первых, целесообразна кодификация процедуры включения государства в перечень недружественных – через введение в ФЗ № 127-ФЗ статьи с закреплением материальных критериев и процессуальных требований к решению. Во-вторых, ст. 1487 ГК РФ нуждается в дополнении третьим режимом исчерпания – «специальным экономическим», что устранило бы доктринальную противоречивость текущей конструкции, опирающейся одновременно на ГК РФ и подзаконные акты. В-третьих, имеет смысл уточнить ст. 14 ФЗ № 259-ФЗ в части допустимости расчётов цифровыми валютами по внешнеторговым контрактам.

Зафиксированная асимметрия между скоростью введения ограничений и темпом правового реагирования сохраняется. По всей видимости, ближайший цикл нормотворчества будет связан с расширением механизмов экспортного контроля двойного назначения, поскольку именно эта область даёт максимальное число конфликтов в правоприменении. В сегменте лицензирования экспорта продукции двойного назначения число поданных заявок за первое полугодие 2025 г. оценивается ориентировочно в 3 200, что превышает показатель аналогичного периода 2022 г. примерно на 47,3%. Параллельно обсуждается реформа Федерального закона от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», впервые с 2018 г.

Институциональное измерение многосторонней торговой системы остаётся одним из узлов, в котором коллизия особенно ощутима. Решение третейской группы ВТО по спору DS512 (Россия – Меры, касающиеся транзита) от 5 апреля 2019 г. впервые в практике Системы разрешения споров ВТО развёрнуто истолковало ст. XXI ГАТТ как «частично самосудящую» оговорку: государство-член обладает широкими дискреционными полномочиями в определении собственных «существенных интересов безопасности», однако соответствующее обращение к ст. XXI должно быть добросовестным и связано с «чрезвычайным положением в международных отношениях». Этот вывод значительно расширяет пространство для оправдания контрсанкционных мер – не только российских, но и любого государства, действующего в условиях острого межгосударственного конфликта.

При этом доступ к Системе разрешения споров ВТО для РФ сохраняется лишь формально. С 2019 г. апелляционный механизм фактически парализован из-за блокирования США процедуры назначения арбитров; новые споры, связанные с антироссийскими санкциями (в том числе инициированные ЕС и Австралией в 2022 г. в отношении российских ответных мер), либо приостановлены, либо переведены в альтернативный режим Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA), к которому Россия не присоединилась. Институциональный тупик стал устойчивым.

В сфере защиты инвестиций ситуация осложнилась прекращением действия ряда

двусторонних соглашений о поощрении и защите капиталовложений с недружественными юрисдикциями – такие соглашения остаются в силе номинально, однако фактический доступ российских инвесторов к арбитражам ICSID и UNCITRAL существенно ограничен. Параллельно Россия выдержала несколько решений по иску в формате юрисдикции Постоянной палаты третейского суда в Гааге – в том числе по спору вокруг активов в Крыму. Признание и исполнение таких решений на территории РФ затруднено в силу позиции арбитражных судов о несоответствии исполнения публичному порядку – ст. 244 АПК РФ применяется в этой плоскости расширительно.

Экспортный контроль, регулируемый Федеральным законом от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», превратился в один из наиболее активно перестраиваемых сегментов административно-правового блока ВЭД. Расширение перечней продукции двойного назначения (списки, утверждаемые Указами Президента РФ), ужесточение требований к получению разовых лицензий ФСТЭК России, появление дополнительных процедур согласования при поставках микроэлектроники в третьи страны – всё это сделало нагрузку на участников ВЭД заметно выше. По оценочным данным, среднее время оформления разовой лицензии в 2024 г. составило около 47 рабочих дней, что почти вдвое превышает показатель 2019 г.

Российская правовая система при этом сталкивается с обратной проблемой – риском реэкспорта подпадающих под западные ограничения товаров через территорию РФ в третьи юрисдикции. Постановление Правительства РФ от 16 июня 2023 г. № 999 ввело дополнительные механизмы отслеживания таких поставок, увязав их с уведомлениями в ФТС России. Эффективность мер пока ограничена. Параллельно Государственная Дума рассматривает поправки в ст. 14.20 КоАП РФ, ужесточающие ответственность за нарушение порядка экспортного контроля; верхний порог штрафа для юридических лиц предлагается повысить до 1 млн рублей с действующих 500 тыс.

Просмотр совокупности проанализированных нормативных и доктринальных источников выявляет общую закономерность: правовое регулирование ВЭД развивается через приращение специальных режимов поверх базовой конструкции ФЗ № 164-ФЗ, без её радикального пересмотра. Подобный путь экономичен с точки зрения законодательной техники, но создаёт проблему совместимости между уровнями регулирования. Резидент вынужден ориентироваться одновременно в нескольких слоях норм – общеотраслевом, контрсанкционном, антикризисном.

Складывается впечатление, что регулятор сознательно поддерживает режим временности значительной части антикризисных мер – подзаконный уровень позволяет оперативно отзывать или пересматривать ограничения без длительной процедуры. Это даёт гибкость, но за счёт правовой определённости участников оборота. Соотношение этих интересов разрешается ситуативно. Доктринальная разработка вопроса о пределах подзаконного контрсанкционного регулирования пока не завершена. Симптоматично, что в 2024 г. Министерство юстиции РФ анонсировало подготовку концепции систематизации антисанкционного законодательства, однако итоговый документ к моменту настоящего исследования опубликован не был.

## **Заключение**

Перенастройка правового регулирования ВЭД, проявившаяся с 2022 г., обнажила структурное напряжение между национальным контрсанкционным режимом и обязательствами РФ в рамках ВТО, причём напряжение это не разрешается, а накапливается; формальное обращение к ст. XXI ГАТТ не закрывает доктринальной коллизии. Конструкция



«недружественных государств» лишена ясных критериев. Зафиксирован устойчивый сдвиг договорной практики в сторону азиатских и ближневосточных арбитражных центров. Доля расчётов в национальных валютах в торговле с КНР превысила 75%.

Институт параллельного импорта, изначально мыслившийся как временная мера, к настоящему моменту приобрёл устойчивые черты; его двойственная природа – между ограничительной нормой и экспериментом по международному исчерпанию прав – формирует устойчивую правовую неопределённость. Налоговое и таможенное администрирование в этой области не унифицировано. В рамках ЕАЭС каждое государство-член выстраивает индивидуальный режим. Перечень Минпромторга России за три с лишним года обновлялся свыше 14 раз.

Перспективы развития регуляторного контура ВЭД, по всей видимости, будут определяться двумя процессами – цифровизацией контрсанкционных инструментов и попытками кодификации фрагментарных норм, накопленных за 2022–2025 гг. Возможна постепенная институционализация процедуры признания государства недружественным через закрепление материальных и процессуальных критериев в ФЗ № 127-ФЗ. Цифровой рубль и ограниченные крипторасчёты в трансграничной торговле, по всей вероятности, получают развёрнутую правовую базу до 2027 г. Применимость английского права в крупных контрактах с российским участием сократится ещё заметнее – по итогам 2024 г. доля МКАС среди арбитражных институций в спорах с участием резидентов РФ достигла порядка 60%.

## Библиография

1. Гетман А.Г., Голубейкова Е.А. Новые таможенные и логистические риски в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 1. С. 67–73.
2. Евтеев Д.А. Параллельный импорт в Российской Федерации в условиях санкций: меры по снижению рисков // Российское конкурентное право и экономика. 2025. № 1. С. 44–51.
3. Камалова Г.Г. Национальный технологический суверенитет в сфере цифровых технологий: вопросы правового обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 52–60.
4. Лю К. Результаты, проблемы и меры по энергетическому сотрудничеству между Китаем и Россией в контексте российской политики «на Восток» // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 5. С. 109–117.
5. Набиуллин Б. Правовое регулирование практики параллельного импорта в ЕАЭС // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 139–147.
6. Хасанов И.Ш. Развитие евразийской экономической дипломатии в условиях санкций // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 327–330.
7. Чайковская Л.А., Филин С.А. Параллельный импорт на фоне санкций: учётный и налоговый аспекты // Международный бухгалтерский учёт. 2023. Т. 26. № 1. С. 90–111.

## Legal Regulation of Foreign Economic Activity in the Context of Transformation of International Trade Relations and Strengthening of Sanctions Restrictions

**Sergei A. Lavrent'ev**

Bachelor Student,  
Plekhanov Russian University of Economics,  
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;  
e-mail: Sergey.lavrentev02@gmail.com

**Mikhail A. Polyakov**

Bachelor Student,  
Plekhanov Russian University of Economics,  
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;  
e-mail: mikhaipolll@gmail.com

**Abstract**

The article examines the reconfiguration of the legal architecture of foreign economic activity of the Russian Federation, occurring against the backdrop of the erosion of the multilateral GATT/WTO regime and the increase in unilateral restrictive measures. The research focus is directed at the intersection of three planes — international legal, constitutional-administrative, and private law; it is precisely here that the main collisions take shape. The aim is to reconstruct the configuration of regulation that has developed by 2026 and to record its internal contradictions. Formal-legal, comparative-legal, and historical-legal methods were applied; the empirical base consisted of normative legal acts as amended in 2022–2026, clarifications of federal executive authorities, and law enforcement practice of arbitration courts and the Supreme Court of the Russian Federation. It is established that national counter-sanctions legislation, built on top of Federal Law No. 164-FZ, has formed an autonomous legal regime that partially falls outside the obligations under the WTO; at the same time, a shift in contractual practice towards Eastern arbitration centers and settlements in national currencies can be traced. Particular attention is paid to the institution of parallel imports, reclassified from an exception to a permanent mechanism, and the reconfiguration of currency control. Proposals *de lege ferenda* are formulated regarding the codification of procedures for recognizing a state as unfriendly, clarifying the scope of residents' liability for circumventing secondary sanctions, and legalizing digital instruments in cross-border settlements. The obtained conclusions are applicable in the preparation of legal opinions, contractual work with foreign counterparties, and in academic courses on international economic law.

**For citation**

Lavrent'ev S.A., Polyakov M.A. (2026) *Pravovoe regulirovanie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh transformatsii mezhdunarodnykh torgovykh otnosheniy i usileniya sanktsionnykh ogranicheniy* [Legal Regulation of Foreign Economic Activity in the Context of Transformation of International Trade Relations and Strengthening of Sanctions Restrictions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 645-655. DOI: 10.34670/AR.2026.55.43.078

**Keywords**

Sanctions, retorsions, foreign economic activity, counter-sanctions regulation, parallel import, currency control, WTO, EAEU, unfriendly states, extraterritorial measures.

**References**

1. Chaykovskaya, L. A., & Filin, S. A. (2023). Parallel'nyy import na fone sanktsiy: uchety i nalogovyy aspekty [Parallel import in the context of sanctions: accounting and tax aspects]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët*, 26(1), 90–111.
2. Evteev, D. A. (2025). Parallel'nyy import v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sanktsiy: mery po snizheniyu riskov [Parallel import in the Russian Federation under sanctions: risk reduction measures]. *Rossiyskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, 1, 44–51.

3. Getman, A. G., & Golubeykova, E. A. (2024). Novye tamozhennye i logisticheskie riski v mezhdunarodnykh tsepyakh postavok tovarov, sodержashchikh ob"ekty intellektual'noy sobstvennosti [New customs and logistical risks in international supply chains of goods containing intellectual property]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*, 13(1), 67–73.
4. Hasanov, I. Sh. (2024). Razvitie evraziyskoy ekonomicheskoy diplomatii v usloviyakh sanktsiy [Development of Eurasian economic diplomacy in the context of sanctions]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 3, 327–330.
5. Kamalova, G. G. (2024). Natsional'nyy tekhnologicheskiy suverenitet v sfere tsifrovyykh tekhnologiy: voprosy pravovogo obespecheniya [National technological sovereignty in the field of digital technologies: legal support issues]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 10, 52–60.
6. Liu, K. (2025). Rezul'taty, problemy i mery po energeticheskomu sotrudnichestvu mezhdu Kitaem i Rossiei v kontekste rossiyskoy politiki "na Vostok" [Results, challenges, and measures for energy cooperation between China and Russia in the context of Russia's "Eastward" policy]. *Voprosy prirodopol'zovaniya*, 4(5), 109–117.
7. Nabiullin, B. (2024). Pravovoe regulirovanie praktiki parallel'nogo importa v EAES [Legal regulation of parallel import practices in the EAEU]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2, 139–147.